

УДК 930.1

Современный город как бриколаж: публично-приватная (ре)территоризация

Е. В. ХОДУС

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара
г. Днепропетровск, Украина, E-mail: hodus2@ukr.net

Авторское резюме

В статье обсуждается проблема публично-приватной (ре)территоризации как процесса, характерного для пространства современного города. В центре внимания – место зон приватного (частного)/публичного в социоструктуре городской жизни.

Очевидно, что социальная жизнь города регулируется двойной системой координат. Вместе с тем, актуальные реалии таковы, что мировоззренческой основой современной социальной жизни является не традиционно сложившаяся иерархическая банаризация «публичного/приватного», а как раз наоборот, исчезновение этой антиномичности, что порождает не столько хаос, сколько новую конфигурацию социокультурного поля в целом и городского пространства в частности, чьей доминантой становится открытый контекст, стимулирующий пространственные, коммуникационные и смысловые смещения. Специфика современного города состоит в бриколажности его структуры, причудливо сочетающей не вполне логически сочетаемые зоны публично-приватных социопространственных сетей.

© Е. В. Ходус, 2014

Соответственно в настоящей статье предпринимается попытка теоретического осмысления процесса обценности (в терминологии Ж. Бодрийяра) как размывания границ между публичной сценой и приватным пространством города. Тот факт, что пространство перестает быть общественным, публичным, не означает, что оно автоматически становится частным. Вместо этого зоны приватности/публичности получают промежуточный статус, отличаются лиминальностью. На пространственном уровне (имеются в виду формы территориальной организации – например, пространство города, улицы, парка, дома, кафе) результатом устранения жесткого территориального деления на публичное/приватное есть появление зон, которые могут принадлежать одновременно и публичной, и частной сфере.

Ключевые слова: приватное-публичное, город, пространство, социальная приватизация, обценность.

The modern city as bricolage: public-private (re)territorization

YE.V. KHODUS

The Oles Honchar Dnepropetrovsk national university, Dnepropetrovsk, Ukraine,

E-mail: hodus2@ukr.net

Abstract

The article discusses the problem of public-private (re)territorization as a process specific to space of the modern city. In the spotlight – a place of areas of private/public in the structure of urban life.

Obviously, the social life of the city is governed by a double coordinate of system. Actual reality is that the ideological basis of contemporary social life is not established in the tradition of modern hierarchical opposition «public / private», but just the opposite, it is her disappearance, that generates not as much havoc as a new configuration of the socio-cultural field in general and the urban areas in specifically. Its dominant characteristic is the open context, stimulating spatial, communication and semantic bias. The specific of the modern city is picolante of its structure, bizarre combination is not always logically combined area of public-private socio-spatial networks.

Accordingly, the present article attempts of theoretical reflection of the process of obscenity (in the terminology of J. Baudrillard) as the blurring of boundaries between the public scene and private space of the city. The fact that the space ceases to be a public, that does not mean that it automatically becomes private. Instead of a zone of privacy/publicity receive interim status, they are liminality. On a spatial level (meaning, the forms of territorial organization – for example, the space of the city, street, park, house, cafes) the result of the elimination of hard territorial division on public/private is the appearance of areas that may belong both to the public and the private sphere.

Keywords: private-public, city, space, social privatization, obscenity.

Постановка проблемы. Социокультурное пространство современного города (особенно большого города) – сложно организовано, индивидуализировано, многоуровнево, динамично, безличностно, функционально. Вместе с тем, перечисленные характеристики отличают не столько пространство города, сколько являются маркерами актуальных социальных отношений. Именно социальные отношения оказывают определяющее воздействие на структурную и символическую организацию городского пространства, накладывая отпечаток на жизненные стили горожан, их повседневные практики.

В этом смысле современная социальная жизнь протекает под знаком деконструкции, преодоления традиционного для современной культуры бинарного расчленения пространства общества на публичную и приватную сферы, в которых действуют разные регуляторы и репертуары социального поведения. С этой точки зрения, переход к модернити – это не только улучшение качества жизни и признание базовых прав: быть современным означает принять как часть «Я» современный взгляд на жизнь, то есть либеральный взгляд буржуа. Сама идея индивидуальной личности является частью современного миропонимания; в ее основе – кар-

тезианская аксиома существования индивидуальной идентичности. В этом смысле индивид противостоит другим, соответственно, проводится четкая граница между «self» и «others» (другими), между «self» и «society». Приватность в этом случае выступает как характеристика человека и как необходимое условие его существования в обществе – «self» непосредственно соотносится с зонами приватности, имеющими, в том числе, и пространственно-территориальные локации.

Одна из функций территориальности – обеспечение приватности как потребности человека в личной территории в том смысле, что время от времени ему необходимо оставаться в одиночестве или в кругу «малой группы», что составляет важные элементы его приватности, которая реализуется с помощью механизмов дистанцирования. Приватность как связь с личной территорией предполагает, в свою очередь, различные модели восприятия и построения пространства посредством самых разных способов, начиная от его использования в повседневных взаимодействиях и заканчивая архитектурным проектированием зданий и городов. В таком контексте город является тем местом, где соединяются различные формы деятельности, разные эмоциональные инфра-

структуры, включенные в сферы публичной и частной жизни.

Следует заметить, что опыт современного образа жизни имел место главным образом в публичной сфере – мире работы, политики, городской жизни. Именно в модерне публичная жизнь приобретает статус социально-значимого феномена. В публичной сфере горожане подчиняются формальным безличным правилам, сложившимся в больших производственных, экономических и политических системах. В частной сфере те же горожане выстраивают иные модели практического поведения, основываясь на домашних привычках, личных симпатиях и антипатиях, семейных традициях, индивидуальных предпочтениях. В частном общении применяются специфические языковые нормы: более экспрессивные, менее строгие.

Таким образом, социальная жизнь города регулируется двойной системой координат. Вместе с тем, актуальные реалии таковы, что мировоззренческой основой современной социальной жизни является не упомянутая выше иерархическая банализация публичного/частного, а как раз наоборот, исчезновение этой антиномичности, что порождает не столько хаос, а новую конфигурацию социокультурного поля в целом и городского пространства в частности, чьей доминантой становится открытый контекст, стимулирующий пространственные и смысловые смещения и переходы. То есть специфика современного города состоит в бриколажности его структуры, сочетающей не вполне логически сочетаемые зоны публично-частных социопропространственных сетей.

Анализ исследований и публикаций. Следует отметить, что проблематика соотношения публичного и частного в разнообразных формах и контекстах их проявления имеет ярко выраженный междисциплинарный характер. Она хорошо представлена в западной социально-философской традиции (Ю. Хабермас, Х. Арндт, Дж. Дьюи, Ж. Бодрийяр, З. Бауман, Л. Витгенштейн, Р. Рорти, Р. Сеннет), в исторических исследованиях (Ф. Арьес, А. Гуревич, Ф. Бродель, Л. Репина, Л. Пушкарёва). В перспективе социологического анализа отметим работы Е. Мещеркиной, Т. Веблена, А. Шюца, Э. Гофмана, М. Фуко, Э. Гидденса и пр. В целом, для современного социально-гуманитарного знания эвристичность такой междисциплинарной оптики очевидна в том смысле, что категории частного и публичного получили возможность более рельефного осмысления и ассоциируются уже не только с определенными социальными сферами, пространственно-временными параметрами, но и с пространством дискурса, вопросами мировоззрения, опыта субъектности, культуры в целом.

Цель исследования состоит в осмыслении процессов публично- и частно-

пространственного структурирования современного города, поскольку оба эти компонента «естественно» вписываются в реальный процесс городской жизни. Вместе с тем оба эти элемента – частное и публичное – выступают не только социокультурным фоном, но и особым социальным и культурным фактором, дифференцирующим городское пространство. Исследовательский интерес при этом фокусируется на процессе общности (в терминологии Ж. Бодрийяра) как размывании границ между публичной сценой и частным пространством, вследствие чего «одно – уже более не спектакль, другое – уже более не тайна» [1].

Изложение основного материала. Именно культура как «упорядоченный набор осмысленно понимаемых символических образцов» опосредует пространствопонимание [2, с. 19]. Перефразируя П. Флоренского, можно сказать, что с потерей «миропонимания» утрачивается и «пространствопонимание». Справедливость этого тезиса ярко просматривается на примере «трэшевой» (от англ. trash – хлам, мусор) организации пространства современного города. Очевидной защитной реакцией на трэш-вторжение стала массовая самоизоляция: общество распадается на атомы. Люди создают вокруг себя защитные оболочки с помощью железных дверей, высоких заборов, шлабумов, зон «только для членов», за пределами которых само общество есть «зона риска». Очевидно, что возможность решить возникшую герменевтическую проблему страха внешней социальной жизни несравнимо больше у так называемых «ультрадорогих персон», живущих на изолированных территориях. Как пишет С. Жижек, «люди с деньгами все чаще проводят свою жизнь за закрытыми дверями... проводят частные обеды, делают частные покупки, частно смотрят произведения искусства, все вокруг частное» [3, с. 6]. Таким образом, жизненное пространство современного человека сузилось до размеров его «прайвеси» (от англ. privacy – уединенность). В этой связи контекстуальны различные практики эстетизации частных форм бытия, в том числе и такие высокочувствительные, как интерьерный и ландшафтный дизайн. А за «индивидуальным забором» (особенно у нас – украинцев) – ничье общественное пространство: часть населения заявляет о праве закрывать глаза на то, что происходит вокруг, предпочитая держаться в стороне от проблем общественной жизни, считая их обсуждение бесполезным и скучным. Такая позиция служит средством самозащиты от беспощадного, не допускающего иллюзий социального мира.

«Уход в частность» как личностная практика жизнестроительства, призванная минимизировать угрозы безопасности, проявляет себя в активном процессе «одомашнивания» публичного пространства города, распростра-

нении эстетики частной жизни на жизнь публичную и наоборот. Термин «одомашнивание» предполагает взгляд на город, основанный на понимании того, что город принадлежит горожанам, и они могут делать в нем все, что почитали бы нормальным делать у себя дома [4, с. 120]. Вот как, например, описывает одомашнивание городского пространства Парижа А. Бикбов: «Улица проникает внутрь квартир через их окна-витрины, а квартира захватывает улицу, одомашнивая это уже единожды присвоенное внешнее пространство, заново стилизуя и присваивая его на множестве уровней и, тем самым, производя с трудом разложимое на элементы, но оттого еще более полное ощущение утонченной однородности и спокойствия» [5]. Другими словами, дом как место эмоционального комфорта становится сегодня своего рода «регулятивной идеей» в планировании городского пространства: офисные помещения, кафе, парки, галереи, улицы активно осваивают эстетику «домашнего». Указанные тенденции явились своеобразным вызовом публичным городским пространствам как местам социальности и возможности взаимодействия для незнакомых людей. Как замечает О. Паченков, «в последние десятилетия мы видим, как «статичность», потребность собираться и быть в/месте постепенно теряет актуальность, уступая иному формату пространственной активности горожан» [6]. Угрозу публичной жизни городов исследователь видит в растущей индивидуализации и мобильности – общество атомизируется, социальные связи ослабевают, переставая удерживать людей, придавая образу жизни ощущение «легкости». «Как следствие, – продолжает О. Паченков, – исчезает потребность в том самом «общественном интересе», который, согласно классической точке зрения, и является основой происходящего в публичной сфере. Все реже в повседневной жизни кому-либо хочется подниматься над своими индивидуальными интересами; общее благо и т.п. абстракции интересуют спешащих по своим делам горожан все меньше. Вместо этого мы все чаще наблюдаем, как реализуются конкретные частные либо групповые интересы индивидов, на какое-то время совпадающие с интересами других индивидов и групп. Но это скорее «общие интересы», которые по сути – не то же самое, что «общественные». Закономерным образом «общественные» пространства постепенно заменяются в городах просто «общими» [6]. Такие «общие» пространства, следуя логике Р. Сеннета, не стимулируют возникновение культуры общения и взаимодействия людей, «социальной корректности», которая конституирует общественную сферу и городскую среду [7, с. 299].

Вместе с тем, тот факт, что пространство перестает быть общественным, публичным, не означает, что оно автоматически становится

частным. Вместо этого оно получает промежуточный статус. На пространственном уровне (имеются в виду формы территориальной организации – например, пространство города, дома) результатом устранения жесткого территориального деления на публичное/приватное есть появление зон, которые могут принадлежать одновременно и публичной, и частной сфере. Такого рода вкрапления одной сферы в другую американский социолог Лин Лофланд называет «пузырями» приватного внутри царства (сферы) публичного – это могут быть места для тусовок (места, где люди живут и чувствуют себя «как дома», то есть ощущают свободу вести себя так, как они хотят) или, например, отмечание свадьбы (чисто приватное действие) в ресторане (публичное место). Современная культура и технологии, по мнению исследовательницы, во многом работают на изживание публичной сферы: личная машина переносит человека из одного приватного кокона в другой, все больше служащих компаний работают «на дому»; интернет-шопинг, домашний кино-театр делают ненужными многие публичные сферы. Более того, современная архитектура и те формы, которые она создает, также работают на изживание публичной сферы, делая ее непубличной (вариант торгового центра) (цит. по: [8]). Территориальные мобильные трансформации (только теперь уже наоборот) можно зафиксировать и на уровне такого традиционно приватного пространства, как «дом». Философская антропология рассматривает «дом» как границу между двумя мирами: миром частной жизни и миром публичным, как символ укоренности, пространство защищенности, своего рода экологическую нишу. Сегодня «дом» активно (де)приватизируется средствами коммуникации: телефон, E-mail, интернет, гаджеты в целом продлевают пребывание человека в публичном, он и дома продолжает вести дела, дом становится продолжением офиса, конторы, кафедры.

Думается, что активность процессов одомашнивания городского пространства, отличающих современный опыт бытийствования, для украинцев стала возможной еще и в силу их ментального кода. Как подчеркивает И. Гофман: «Мы не можем сказать, что миры создаются здесь и сейчас, потому что независимо от того, говорим ли мы об игре в карты или о хирургической операции, речь идет об использовании некоторого традиционного реквизита, обладающего собственной историей в большом обществе» [9, с. 27-28]. Так, рурализация города как распространение на городской образ жизни продуктов сельской культуры, в том числе моделей поведения, ценностей, соответствующих практик оказалась весьма созвучна украинской социокультурной матрице. Большинство исследователей отмечает в качестве своеобразной социопсихоло-

гической константы украинцев «селянскую» психологию. Однако ей присущи черты не только «сельскости» вообще, но и «климат интимности», зауженность ментальной и поведенческой активности сферой «малых коллективов» (малой семьи, в отличие от большой «патриархальной» семьи в России, круга приятелей и т.п.).

Именно в этом проявляется направленность к «внутренней жизни», которая раскрывается как «способность к товариществу, психологическому пониманию чужой душевной жизни». Вместе с тем на формирование специфических черт украинского менталитета оказали влияние длительное вхождение украинских земель в состав разного рода государственных образований (Литовского княжества, Речи Посполитой, Австро-Венгрии, Османской и Российской империй) и столь же длительная борьба за самостоятельность, породившая такие ментальные качества, которые, казалось бы, противоречат друг другу. Так, «с одной стороны, квинтэссенция украинского духа – казак – вольнолюбивый индивидуалист. Эти индивидуальны начала, их индивидуалистические представления имеют свои положительные и отрицательные стороны в характере народа... С другой стороны, столетия крепостного права не могли не наложить свой отпечаток. Это рождало в массе украинского крестьянства «чувство громады», чувство взаимопомощи, поддержки и др.» [10, с. 51].

Речь идет о существовании не только разных ментальных типажей, но и об определенном конфликте, испытываемом украинцами на внутреннем психологическом уровне. С одной стороны – авантюрно-казацкий стиль жизни, с другой – стиль потаенного существования, порождаемый необходимостью скрывать свой внутренний мир от врагов. Если первый – источник активности, то другой принуждает к «отступничеству от себя», к жизненной философии «моя хата с краю».

Выводы. Таким образом, этническая ментальность украинцев представлена ценностями индивидуализма, значимости частной реальности, что нашло соответствующее выражение в праксемическом поведении, связанном с организацией пространства и как коммуникативного механизма, и как культурного феномена. Такая эмоциональная инфраструктура во многом определяет и одновременно отражает социокультурный ландшафт украинских городов, пронизанный духом милой провинциальности как сосредоточенности на «внутреннем». Особенно показательны в этом смысле – количество малых архитектурных форм, заполняющих городские улицы больших и малых городов Украины: если раньше установление очередной балерины или ежика, скамейки с каменной подушкой, бабушки в гипсовом платочке, пары бронзовых каштанов становилось событием, то сейчас маленькие скульптурки, инсталляции и рисунки появляются десятками. Другими словами, город сегодня – это культурный текст, не обладающий четким смысловым, коммуникационным, образным ядром, это бриколаж/калейдоскоп как площадка «сборки», где из комбинации зон публичного (мест, где я существую для других) и приватного (всего того, что сокрыто от посторонних, принадлежит частному лицу, потому носит характер интимности), образуется новый порядок, составляется новое образное единство и целостность города. Логика бриколажа в социальных пространствах города предполагает отказ от их монофункциональности, напротив, как указывает О. Паченков, «многообразие современной урбанистической жизни предьявляет к городским пространствам другие требования. Спросом пользуются пространства-трансформеры» [6]. Они могут не иметь собственной стабильной идентичности приватного либо публичного «места» – они определяются через ту активность, которую вмещают, превращаясь в «места-процессы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бодрийяр Ж. Экстаз коммуникации [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр. – Режим доступа: <http://ivanem.chat.ru/extaz.htm>.
2. Александр Дж. Аналитические дебаты: понимание относительной автономии культуры [Текст] / Дж. Александр // Социол. обозрение. – 2007. – Т. 6, № 1. – С. 17-37.
3. Жижек С. Размышление в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы [Текст] / Славой Жижек. – М.: Изд-во «Европа», 2011. – 476 с.
4. Козырьков В.П. Частная жизнь личности и приватизация культуры [Текст] / В.П. Козырьков // Вестник Нижегородского гос. ун-та. Сер. Соц. науки. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2002. – Вып. 1 (2). – С.117-130.
5. Бикбов А. Москва/Париж: пространственные структуры и телесные схемы [Электронный ресурс] / А. Бикбов // Логос. – 2002. – № 3 (34). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/bikbov.html>.
6. Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» [Электронный ресурс] / О. Паченков // Новое лит. обозрение. – 2012. – № 117. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33-pr.html>.
7. Сеннет Р. Падение публичного человека [Текст] / Р. Сеннет. – М.: Логос, 2002. – 424 с.
8. Черняева Н. Культурная география и проблематика «Места» (Обзор новой литературы) [Текст] / Н. Черняева // Известия Уральского гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2005. – Вып. 9, № 35. – С. 67-68.
9. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни [Текст] / И. Гофман. – М.: Канон-пресс-Ц, 2000. – 304 с.

10. Кульчицький О. Світовідчуття українця [Текст] / О. Кульчицький // Українська душа: зб. наук. праць / В. Храмова (ред.). – К.: Фенікс, 1992. – С. 48-65.

Статья поступила в редакцию 20.05.2014

REFERENCES:

1. *Bodriyyar Zh.* Ekstaz komunikatsii (Ecstasy of Communication). Access mode: <http://ivanem.chat.ru/ekstaz.htm>.
2. *Aleksander Dzh.* Analiticheskie debaty: ponimanie otnositelnoy avtonomii kultury. (Introduction: Understanding the 'Relative Autonomy' of Culture). *Sotsiologicheskoe obozrenie*, Moscow, 2007, Vol. 6, no. 1, pp. 17-37.
3. *Zhizhek S.* Razmyshlenie v krasnom tsvete: kommunisticheskiy vzglyad na krizis i soputstvuyushchie predmetry (Reflection in a Red Eye: a Communist Examination of the Crisis and Related Matters). Moscow, 2011, 476p.
4. *Kozyrkov V.P.* Chastnaya zhizn lichnosti i privatizatsiya kultury (Private life of the individual and the privatization of culture). *Vestnik NNGU. Ser. Sotsialnye nauki*, N. Novgorod, 2002, no. 1 (2), pp. 117-130.
5. *Bikbov A.* Moskva / Parizh: prostranstvennye struktury i telesnye skhemy. (Moscow / Paris: spatial structure and physical schemes). *Logos*, Moscow, 2002, no. 3 (34). Access mode: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/bikbov.html>.
6. *Pachenkov O.* Publichnoe prostranstvo goroda pered litsom vyzovov sovremennosti: mo-bilnost i «zloupotreblenie publichnostyu». (Public space of the city in the face of modern challenges: mobility and «abuse of publicity») *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, 2012, no. 117. Access mode: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33-pr.html>
7. *Sennet R.* Padenie publichnogo cheloveka. (The Fall of Public Man). Moscow, 2002, 424 p.
8. *Chernyaeva N.* Kulturnaya geografiya i problematika «Mesta». (Obzor novoy literatury). (Cultural geography and problems «Places» (A review of the literature)) *Izvestiya Uralskogo gos. un-ta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2005, no. 35, pp. 67-68.
9. *Gofman I.* Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni. (The Presentation of Self in Everyday Life). Moscow, 2000, 304 p.
10. *Kulchitskiy O.* Svitovidchuttya ukraintsya. (Attitude of Ukrainians). *Ukrainska dusha*. Kiev, 1992, 128 p.

Ходус Елена Владимировна – кандидат социологических наук, доцент
Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара
Адрес: 49010, г. Днепропетровск, просп. Гагарина, 72
E-mail: hodus2@ukr.net

Khodus Yelena Vladimirovna – PhD in sociology, associate professor
The Oles Honchar Dnepropetrovsk national university
Address: 72, Gagarin Avenue, Dnepropetrovsk, 49010
E-mail: hodus2@ukr.net